

МЫ - ЭТО МЫ

Ксения Перова

Ксения Перова

Мы – это мы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69285991
SelfPub; 2023*

Аннотация

Если в лесу рядом с твоей деревней живет палач, тебя не погладят по головке за дружбу с его сыном. Но что делать, если эта дружба неожиданно становится самым важным событием в жизни и, быть может, твоей судьбой? Что важнее – следовать своим путем или жить спокойно и безопасно? Стоит ли риск одного приключения тысячи дней благополучия и комфорта? Дирхелю Магуэно предстоит выбрать между дружбой с Эдвардом Райни и всей прошлой жизнью, включая свою семью. И выбор этот будет не из легких.

Содержание

1	5
2	29
3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ксения Перова

МЫ – ЭТО МЫ

*Памяти писателя Юлии Соль и Рина,
коменданта Холодной Башины, посвящается*

У вас есть лишь ваша жизнь, сказал он.
Немного, но зато взаправду.
Возьмите же ее и употребите, как должно.
Есть один Путь, одна Истина, одна Жизнь.
Остальное – сон.

А. С. Байетт, «Дева в саду»

Призрак полыхал в ночи.

Круглые, незрячие глазницы и рот, полный тонких острых зубов, источали оранжевое сияние. Ветер трепал черные лохмотья, под которыми не было ни плоти, ни костей. Призрак застыл посреди двора в зловещей неподвижности, но по правде, сделай он хоть одно движение – и Джо Аганн завопил бы на весь дом дурным голосом.

Сейчас он не орал просто потому, что горло свело от страха. Разбуженный посреди ночи резким, непонятным звуком, решил выпить воды и проверить скотину – корова должна была отелиться со дня на день. Но одного взгляда в окно оказалось достаточно, чтобы понять – он не выйдет за порог даже под страхом немедленной смерти.

В голове билась одна-единственная мысль: «Значит, все-таки Прислужники Темного Лица существуют!» Именно так они и выглядели, мрачные спутники не менее пугающего божества, когда являлись по чью-то душу, и их появление означало только одно – несчастье не за горами!

Ветер снова взметнул черные лохмотья, жуткая светящаяся голова как будто бы наклонилась... и внезапно ночь прорезала трель флейты. Дикая, пронзительная, она иглой вошла в мозг Джо. В ту же секунду он метнулся в переднюю, пинком распахнул дверь и проревел:

– Хэл, паршивый щенок! Ну я тебе задам!

Флейта смолкла, а призрак повел себя очень странно – не бросился в атаку и не развеялся, как положено порядочным призракам. Вместо этого покачнулся и упал ничком. Раздался слабый хруст, оранжевый огонь погас.

А через двор метнулась проворная тень, на ходу выпрямляясь и обретая человеческий облик.

Джо, потрясая кулаками, погнался за ней, да куда там. Тень одним махом преодолела невысокий забор и скрылась в кустах. Заливистый смех, топот ног – и все стихло.

Джо, ругаясь на чем свет стоит, вернулся во двор. Весь мокрый от пота, с дрожащими руками, он яростно пнул подвернувшегося под ноги «призрака» и поспешил в дом, окна которого уже вспыхнули мягким желтым светом.

Тени, и впрямь смахивающие на Прислужников Темного, улепетывали со всех ног, петляя между домами. Остановились только на противоположном конце деревни, у дома кузнеца. Сразу за ним поросший травой пологий склон холма переходил в поле, а дальше чернел лес, непроницаемый для лунного света.

Сильный ветер гнал по небу облака, но летняя ночь была теплой, к тому же беглецы неплохо разогрелись. Сдерживаемый смех все еще разрывал их, и они попадали на траву в тщетной попытке его унять.

– Ты видел, нет, ты видел его лицо?!

– Он в штаны навалил, Всемогущим клянусь!

– Рыбий череп – вещь!

– Хэл, это просто отвал башки, ты лучший!

Самая высокая тень выпрямилась, свет луны упал на улыбающееся лицо мальчика лет тринадцати. Темно-русые, слегка выющиеся волосы растрепались, глаза горели диким весельем. Очень крупный для своего возраста, он обещал вырасти в могучего мужчину.

– Да, ничего себе получилось, – небрежно произнес он и собрал волосы в хвост, – только с флейтой переборщил. Хотел нагнать еще больше страху, а он сразу догадался.

– А чем он докажет, что это именно ты? – загомонили мальчишки.

Хэл усмехнулся и сыграл на коротенькой деревянной флейте нехитрый мотив.

– Давайте смотреть правде в глаза – я забываем!

Мальчики обступили его, на всех лицах светился восторг, граничащий с обожанием. Казалось, они готовы подхватить своего предводителя и нести на руках, точно полководца, одержавшего блестящую победу.

Хэл покрутил флейту в пальцах, сунул за пазуху и скомандовал:

– Ладно, братишки, по домам. Завтра на прежнем месте.

Угловатые фигуры одна за другой растворились в темноте. Оставшись один, Хэл какое-то время стоял, глубоко дыша и вслушиваясь в ночь. Вспоминал, как Аганн выскочил из

дома чуть ли не чем мать родила, и злая улыбка играла у него на губах.

Наконец он встряхнулся, вздохнул и, осторожно оглядываясь, пересек пустынную улицу. Нырнул в узкую щель между подворьями и через несколько минут уже стоял возле своего дома. Крошечный, немного скособоченный, он стараниями матери смотрелся более-менее неплохо.

Хэл пробрался через задний двор и аккуратно, чтобы не помять цветы, бесшумно кивающие ему спящими головками, распахнул окно. Забрался внутрь, тихонько прикрыл за собой раму. Наступила тишина, и до конца ночи ничто не нарушало покой деревни.

Проснулся Хэл оттого, что кто-то трясет его за плечо. И в тот же миг за стеной зазвенел знакомый высокий голос, от которого сон слетел окончательно:

– Этому надо положить конец, слышите?! Или мальчишка окончательно скатится под откос, отправится напрямик к Темному Лику!

«Вот дрянь, Майло!»

Хэл мигом вскочил с кровати, и человек, который его будил, слегка отпрянул и выпрямился. Он был высок и строен, а потолки в домике – низкие, так что ему почти все время приходилось слегка пригибаться. Хэл коснулся его плеча и виновато прошептал:

– Отец, спасибо!

Пол Магуэно мягко улыбнулся и взглядом указал на окно. Хэл ухватился за подоконник, но тут дверь, распахнувшись от пинка, ударилась о стену. На пороге, опираясь на костыль, стоял Майло, старший брат Хэла, с хворостиной в руке. За его спиной маячила миниатюрная фигурка матери; она хватала сына за рукав, но опасалась потянуть слишком сильно и нарушить равновесие Майло.

– Ах ты погань!

Хэл успел только порадоваться, что Клод и Себастьян ушли в поле – по крайней мере, не увидят его позор.

Он попытался отскочить в сторону, но Майло, несмотря на то, что левая рука у него почти не действовала, ухитрился вытянуть его хворостиной. Хэл зашипел от боли, а удары продолжали сыпаться на него один за другим.

– Сколько... раз... повторять! – цедил Майло, тяжело дыша. На его худом, болезненно-желтом лице выделялись острые скулы и лазоревые глаза с темными подкружьями. – Прекрати свои выходки... мелкий говнюк!

Пол протянул к нему руку, пытаясь прекратить избиение.

– Май, прошу тебя...

– Что «Май»? Что «Май»?! – Майло развернулся к отцу – так воин на поле боя, отвернувшись от поверженного врага, в ярости набрасывается на следующего. Хилое тело его тряслось от злости, плечи выпирали из-под рубахи, как яичные скорлупки. – Что ты можешь? Да ничего! Вы с матерью потакаете этим придуркам, а они вот что вытворяют! Сам

знаешь, что для нас значит Аганн! Что ты за отец, если не можешь детей держать в узде?!

Уголки губ Пола слегка опустились, но даже это не изменило присущее его облику выражение доброты и мягкости. Серо-зеленые глаза смотрели на удивление спокойно, черные волосы на висках удерживались двумя тонкими косичками, а на затылке были собраны в хвост.

Майло продолжал бушевать:

– Старейшины нам все выскажут как пить дать! Прошлой зимой мы бы все передохли, если бы Аганн не помог, а что теперь будет? Ты подумал об этом, жалкий пакостник?!

Последняя фраза была адресована Хэлу и сопровождалась еще одним ударом, быстрым и безжалостным. Хэл поспешно проскользнул мимо растерянных родителей и выскочил в коридор. В домике было всего три комнаты и крошечная кухня, казалось невероятным, что когда-то здесь теснились девять человек. Две старших сестры Хэла уже вышли замуж, третья уехала в город и там работала в лавке.

Заглянув на кухню, Хэл схватил первое, что увидел – подсохший кусок хлеба, – и вылетел во двор. Следы от ударов горели, точно укусы сотен насекомых, но он не слишком переживал по этому поводу. Воспоминание о перекошенном лице Аганна помогло бы вытерпеть и более суровое наказание.

Гораздо большую боль – как всегда – причиняло то, что родители не вмешались, не остановили Майло. Собственно,

они вообще ничего не делали, чтобы укротить злобный нрав старшего сына, и Хэл уже не мог вспомнить, как давно это продолжается. В какой момент Майло вдруг отодвинул родителей в сторону и стал верховодить в доме? После ухода сестер или раньше?

Раньше, уверенно подумал Хэл, пробираясь по кустам и задворкам. Солнце поднялось уже высоко, в деревне кипела жизнь — не хотелось бы попасться на глаза языкастым женщинам. Ему хватило унижения от побоев Майло.

Родители всегда питали к нему непонятную слабость. Да, старший сын и тяжело болен, но живется ему очень даже неплохо. Работой его никто не неволит, шляется целыми днями по деревне, собирает сплетни и всех стремится вывести на чистую воду. Будь он здоровым, мужики и парни давным-давно как следует отделали бы его за такое поведение, но калеку, конечно, никто не тронет. Майло терпели, но не любили.

Лет в десять у него начала сохнуть левая нога, а потом странная болезнь перекинулась на левую руку, и все тело как-то съежилось, перекосилось. Майло и прежде не отличался сговорчивым нравом, но болезнь озлобила его до крайности. Эта злость и постоянная готовность вступить в драку, не щадя себя, надежно защищали его от насмешек деревенской ребятни.

Сейчас Майло уже исполнилось двадцать пять, и никто не заметил, как за прошедшие годы снисходительность родите-

лей к его выходкам перешла во что-то другое. Увечный юноша как будто подавлял всех в семье своим диким, необузданным нравом, силой духа и чудовищной яростью. Все одинаково робели перед ним – и родители, и братья, а с отъездом последней из сестер стало только хуже.

Но солнце светило, кусок хлеба заглушил голод, и Хэл выкинул из головы мысли о Майло.

Добравшись до края деревни, он спустился по склону холма на поле и припустил в сторону леса. Бегать по скошенной траве – одно удовольствие, и Хэл несколько раз высоко подпрыгнул, потом кувырнулся и со смехом вскочил на ноги. В лицо стремительной волной катил аромат леса – прелых листьев и коры, влажной земли и мягкий, кисловатый запах елей.

Лето утекало, как вода сквозь пальцы, надо взять от него все, что можно, прежде чем зима скует деревню ледяными оковами. Урожайный месяц не за горами, а там хочешь не хочешь придется вкалывать, помогать семье. Хэл и без того пользовался редкостной для своего возраста свободой благодаря двум средним братьям и отцу, которые без труда справлялись с хозяйством.

Среди всех детей четы Магуэно Дирхель отличался самым легким и незлобивым характером – и самым крепким сложением. Если бы не болезнь, Майло тоже вырос бы крупным и крепким, а вот остальные дети унаследовали хрупкую, тщедушную стать Изабеллы, матери Хэла. Но, в отличие от Май-

ло, Хэл всегда улыбался – даже когда ему хотелось завывать.

Вот и сейчас, вступив в лес, он достал флейту, и с первым же ее звуком случившееся дома сгладилось, а горизонт мыслей снова стал чистым и безоблачным. Легкий мотив роем бабочек вспорхнул к верхушкам деревьев, слился с пением ветра. И почти сразу впереди зашуршали кусты, и, наперебой выкрикивая приветствия, появились трое мальчиков.

Бен, сын кузнеца, белокожий и рыхлый, с короткими огненно-рыжими кудрями, покосился на красные следы на предплечьях Хэла. Кое-где кожа была рассечена до крови, застывшей крохотными алыми бусинками.

– Сильно досталось?

– А, ерунда! – отмахнулся Хэл и, крутанувшись на месте, плюхнулся на поваленное дерево. – Куда пойдем сегодня? По мне, так чем дальше, тем лучше. Вы как?

– Я с тобой, – коротко ответил Натан, сосредоточенно хмурия тонкие черные брови. Худой, темноволосый, он был самым серьезным в их компании и, как ни странно, самым драчливым. Терпел до последнего, а потом без всякого предупреждения взрывался, как заряд фейерверка, и остановить его тогда было непросто.

– А я даже и не знаю... – задумчиво протянул третий мальчик, усаживаясь рядом с Хэлом, и тот невольно фыркнул от смеха.

«Не знаю» было, кажется, любимейшим словом Арно. О чем бы его ни спросили, он тут же начинал оправдываться:

«Я не знаю, я ничего не знаю...». Маленький, коренастый и кривоногий, он приходился Бену двоюродным братом и тоже отличался ярко-рыжим цветом жесткой, как щетка, шевелюры. Бен не очень-то жаловал боязливого, робкого родича, но помалкивал, поскольку Хэл не возражал против его присутствия.

Эта троица составляла костяк их компании, время от времени к ним присоединялись и другие мальчишки. Хэл никогда никого не привечал и не прогонял – чем больше народу, тем веселее. Но после ночного приключения большинство мальчишек, видимо, решили остаться дома, от греха подальше.

Не в силах и минуты посидеть спокойно, Хэл откинулся назад и продолжил играть в таком положении. Потерял равновесие, кувырнулся, чуть не свернув себе шею, и захохотал.

И вдруг вскочил на ноги.

– Эй, а эту ржавку я не видел! Гляньте-ка!

Он сунул флейту за пояс и полез в ближайшие кусты. Мальчики не торопились следовать за ним.

– Брось, Хэл, не трогай ты его! – боязливо произнес Арно.

В центре куста громоздилось нечто, смутно напоминающее домик с окошками, но почему-то вытянутое в длину. Ржавый металл протяжно заскрипел, когда Хэл, весь в паутине и листьях, залез на крышу «домика».

– Такой здоровенный, как это я его пропустил? Эй, забирайтесь сюда!

Бен и Натан переминались с ноги на ногу и не трогались с места.

– Арно прав, лучше слезай, – наконец выдавил Бен, – сам знаешь, все, что после Исхода осталось, только несчастье приносит.

Хэл со смехом заложил руки за голову и, покачивая ногой, растянулся на теплом металле.

– Старушечьи байки! Ржавок в лесу полно, и что-то наша деревня до сих пор на месте, не сгорела и не вымерла. Это просто кучи гнилого металла, чего бояться?

Арно поежился, словно от холода.

– Ну не знаю. Мать говорит, в них живут призраки тех, кто до Исхода помер... если нарушить их покой, нашлют Белую Лихорадку, и тогда конец.

Хэл повернулся на бок и подпер ладонью щеку.

– С Исхода больше трехсот лет прошло, и Белой Лихорадкой давно уже никто не болеет. Так чего трястись?

– Мы не трясемся! – с досадой заметил Натан. – Но зачем рисковать понапрасну? В этих ржавках, быть может, Белая Лихорадка сохранилась, залезешь внутрь и заразишься!

Хэл вскочил на ноги.

– Да нет тут никакой Белой Лихорадки! Я вам докажу! – С этими словами он вдруг подпрыгнул, раз, другой и третий, обрушиваясь всем весом на жалобно стонущий металл.

– Прекрати! – крикнул Натан, но было поздно – раздался визгливый треск, взметнулось облако сероватой пыли, и Хэл

провалился сквозь крышу внутрь «домика».

Бен и Натан тут же бросились вперед, ломая ветки, а Хэл внутри кашлял и хохотал, как сумасшедший.

– Видите, ничего здесь нет, кроме старой пыли! Это просто куча мусора, глупо ее бояться!

– Сейчас же вылезай! – рявкнул Натан. Его узкое лицо побледнело, несмотря на загар.

– Ладно, ладно, вылезаяю, не бесись. – Хэл ухватился за края дыры, подтянулся и легко спрыгнул на землю, – Всемогущий, какие вы нервные, парни!

Он был с ног до головы перемазан пылью, лицо и руки в грязи.

– Будешь тут нервным, когда полмира передохло, – буркнул Бен.

– Так это когда было... эй, полегче!

Натан схватил Хэла за плечо и почти силой выволок из злополучного куста.

– Идем к реке! – прошипел он. – Ты меня в могилу сведешь!

– Ну если это случится, то уж точно не потому, что в ржавках есть Белая Лихорадка! – парировал Хэл и с хохотом увернулся от плюхи разгневанного приятеля.

– Правда, это уж как-то... чересчур, – заметил Бен, пытая и вытирая пот со лба, – ты что, вообще ничего не боишься, что ли?

Хэл остановился и потер подбородок.

– Дай-ка подумать... нет!

Натан фыркнул и быстро пошел вперед, Бен поспешил следом. Лишь Арно семенил рядом с Хэлом и смотрел на него сияющими глазами.

Солнце поднималось все выше, воздух был густой, теплый и сладкий, как леденец, который Хэлу как-то посчастливилось попробовать. Пятна света пробивались сквозь кроны, двигались, порхали по лесной подстилке, точно огненные бабочки.

Хэл, довольно жмурясь, уже поднес флейту к губам, как вдруг Бен вынырнул из кустов и поманил товарищей за собой. Вид у него при этом был такой довольный, словно он по меньшей мере углядел олениху с детенышем в их укрытии.

Натан тенью скользнул к нему и, бросив лишь один взгляд сквозь густые заросли, тихонько присвистнул.

– Ничего себе!

– Что, что там такое? – прошептал Арно, карие глаза его блестели азартом. Меньше всех ростом, он растянулся на мягком мхе, чтобы выглянуть снизу, где ветви пореже.

– Не что, а кто! Смотри!

Бен посторонился, и Хэл, прикинув к прорехе между ветвей, увидел небольшую полянку, заросшую высокой сорной травой. Деревья вокруг стояли так плотно, что почти не пропускали солнце, из-за этого трава вымахала чуть ли не в человеческий рост; особенно густыми и злобными выглядели заросли жуткой крапивы.

Посреди полянки, на небольшом расчищенном участке, стоял на коленях мальчик примерно одних с ними лет или чуть постарше. Серая холщовая рубашка взмокла от пота, аккуратно подвернутые рукава обнажали тонкие, но мускулистые предплечья. Силы в этих руках, похоже, было немерено, потому что мальчик на глазах у Хэла с легкостью выдернул из земли какой-то толстый корень, поднес его к глазам и начал внимательно изучать.

Хэлу стало страшно любопытно, что это он такое нашел. Но еще более любопытным был тот факт, что он этого мальчика видел впервые в жизни.

– Кто это? – прошептал он, склонившись к уху Натана.

– Чтоб мне провалиться к Темному, если не ублюдок Свершителя! Верно, Бен?

Бен кивнул, серые глаза его поблескивали в предвкушении.

Хэл невольно вздрогнул. Как и любой житель деревни, он знал, что где-то в лесу обитает Свершитель и его семья, но никогда не интересовался этим вопросом. О Свершителях старались не говорить и вообще делали вид, что их не существует, словно даже мимоходом коснуться этой темы означало навлечь на себя беду.

Поэтому Хэл понятия не имел, что у Свершителя, оказывается, есть сын одного с ним возраста!

Он не успел додумать эту мысль, как Бен и Натан один за другим прыгнули вперед и растворились в густой зелени.

Хэл, все еще не понимая, что происходит, поспешил за ними и, продравшись сквозь кусты, застал странную картину.

Мальчик, похоже, обладал прекрасной реакцией – он успел подняться и отскочить к противоположному краю полянки, подальше от Бена и Натана. При этом он проложил целую просеку в зарослях крапивы и наверняка здорово обжегся, но смуглое, скуластое лицо не отражало и тени боли, сохраняя бесстрастное выражение.

Высокий, широкоплечий, чуть сутулый, в домотканых штанах и рубашке, которые свободно болтались на его поджаром теле, с испачканными землей руками, он казался самым обычным парнишкой, каких в деревне полно. Иссяня-черные прямые волосы спутанными космами падали на плечи. Черные глаза настороженно поблескивали, точно у загнанного в угол животного, но мальчик не убегал, и Хэл почти сразу понял почему – у ног Бена валялась небольшая корзинка, доверху наполненная какими-то корешками и травами.

– Попался, недоносок! – с явным удовольствием произнес Бен. – Чем это ты тут занят?

Он небрежно катнул корзинку ногой и наступил на нее. Раздался слабый треск, темные брови мальчика слегка дернулись, но лицо осталось спокойным, без тени злости или страха.

– Червяков собирает, – насмешливо протянул Натан, – на обед своему папаше.

Бен прыснул со смеху и, подобрав сухую шишку, швырнул ее в мальчика.

– Беги, недоносок! И молись Всемогущему или в кого вы там верите, чтобы мы тебя не догнали!

Шишка угодила мальчику в грудь, но он не пошевелился и все так же стоял, словно прислушиваясь к чему-то. Тогда Натан схватил ком сырой земли и занес руку для броска.

– Сказано тебе, беги! Ты не только тупой, но еще и глухой?

На этот раз мальчик ловко уклонился, и ком пролетел мимо. Натан фыркнул, как злобный жеребец, и прыгнул вперед. Только тогда странный мальчик плавно, почти неспешно отступил и словно растворился в волнующемся море зелени.

– Гони его, Нат! – азартно выкрикнул Бен, бегом пересек полянку и врезался в кусты вслед за приятелем.

Все произошло так быстро, что ошеломленный Хэл не успел и слова сказать и просто стоял столбом. Арно же, которому из-за своего маленького роста пришлось повозиться, чтобы выбраться из куста, вообще не увидел ничего, кроме спин Бена и Натана, исчезающих между деревьями.

– Чего это они? – растерянно спросил он у Хэла, тот лишь пожал плечами.

Он и сам хотел бы знать, какая муха укусила товарищей. Им, конечно, случалось дразнить других детей, даже доводить их до слез, но тут все было совершенно по-другому. Друзей будто подменили. Они вели себя так, словно перед ними был не человек, а какое-то жалкое, низкое существо,

хуже паршивой собаки.

Нахмурившись, Хэл присел на корточки и изучил раздавленную корзинку. Потом, сам не зная зачем, поднял корень, который мальчик выкопал последним, отряхнул и сунул в карман штанов.

Из леса доносились перекликающиеся голоса.

– Ты знал, что у Свершителя есть сын? – спросил Хэл у Арно.

Тот поскреб затылок короткопалой пятерней.

– Да, что-то слышал. Но Свершитель в деревню-то не приходит, ни сам, ни из его семейства кто. Так что я никого из них в глаза не видел.

– Так они совсем одни живут, что ли? – вырвалось у Хэла. Арно пожал плечами.

– Выходит, так. Да нам-то какое дело? Попробовали бы они в деревню прийти, такое бы началось!

Хэл не стал уточнять, что именно бы «началось» – это было понятно по реакции Бена и Натана. Несколько минут спустя затрещал подлесок, и они появились с другой стороны поляны, востроенные, потные и недовольные.

– Как сквозь землю провалился! – раздосадованный Бен пнул остатки корзинки и стряхнул с потных кудрей еловые иглы и кусочки коры. – Только рассчитывали позабавиться, а он юрк в сторону – и нет его!

Натан сплюнул и обмахнул разгоряченное лицо подолом рубашки.

– Да-а, эти ублюдки здесь каждую тропку, небось, знают! Недаром носа не высовывают из леса. Хэл, а ты чего с нами не пошел?

Перед глазами Хэла все еще стояло лицо мальчика, оставшееся совершенно спокойным под градом насмешек. Кажалось, и они, и сами обидчики ему настолько безразличны, что он даже не обратил на них внимания и досадовал лишь на потерю корзинки. Но это была именно досада, а не злость – как будто корзинку вырвало из его рук ветром или унесло течением реки.

– А? Что? – Хэл очнулся от задумчивости лишь осознав, что все смотрят на него. – Да чего зря бегать, мы бы его все равно не догнали!

– Вот ты молоток! – завистливо протянул Бен. – Как это ты так сразу понял?

Хэл поспешно ухмыльнулся во весь рот.

– А я как-то за ним уже гонялся и остался с носом, ха-ха-ха!

– Да и Темный с ним, – снова сплюнул Натан, недовольно скривившись, – придурок, из-за него так пить захотелось! Пошли уже на реку!

Хэл кивнул и, достав флейту, заиграл протяжную, залиvistую мелодию. Под ее нехитрые трели они быстро добрались до речной заводи и с наслаждением окунулись в прохладную темную воду.

Весь день мальчики купались, болтали, валялись на тра-

ве, собирали желтые кувшинки и беловато-розовые лилии. Когда солнце склонилось к закату, поднялись вверх по течению и наловили рыбешек самодельными удочками. Пока улов поджаривался на тонких палочках, Хэл сбегал в лес и принес пару куропаток – он знал наперечет все ловушки местных охотников и не гнушался таскать из них добычу. Птичек выпотрошили, срезали голову и ноги, обмазали глиной и сунули прямо в костер. Вскоре по сумеречному лесу змейками пополз дивный аромат жареного.

Время пролетело незаметно, как всегда бывает, если получаешь от жизни удовольствие. Лишь оставшись в одиночестве на окраине деревни, усталый, пропахший дымом и страшно довольный прожитым днем, Хэл вдруг почувствовал в глубине души какое-то неудобство. Рука сама собой потянулась к карману и нащупала в нем твердый корень неизвестного растения.

Хэл вытащил его и, хоть света уже почти не осталось, тщательно осмотрел. Пожал плечами.

Корень как корень. И чего такого особенного в нем нашел тот мальчишка?

Он уже хотел выбросить свою добычу, но рука, опять же словно действуя по собственной воле, сунула корень обратно в карман. Хэл потянулся, зевнул и потащился к дому, лениво размышляя о том, как было бы здорово завтра улизнуть до пробуждения Майло.

Поспать Хэл очень любил, поэтому захватить его тепленьким в постели ничего не стоило. Так оно и случилось. Майло пинками поднял его с кровати, и Хэл глазом моргнуть не успел, как угодил в полноценное рабство.

Целый день, огребая ругательства и колотушки от старшего, он таскал воду, полол и поливал огород, убирался в доме, чистил курятник и так далее, и так далее. Клод и Себастьян спозаранку улизнули на покос. Невысокие, неуловимо схожие, точно близнецы, хотя между ними было два года разницы – пятнадцать и семнадцать – с кудрявыми русыми чубами и серьезными серыми глазами, они с детства держались вместе и, замкнувшись друг на друге, хранили какую-то печальную отрешенность от всего мира. Пробриться сквозь это не удавалось даже Майло, и, пусть они не давали ему сдачи, помыкать ими было гораздо сложнее, чем Хэлом.

Отец точил ножи и топоры в углу двора и только вздыхал, наблюдая, как младший сын мечется, точно угорелый.

Только к вечеру, когда Хэл уже не мог поднять руки от усталости, Майло сменил гнев на милость. Позволил матери дать ему поесть и отправил со двора с пожеланием провалиться прямиком к Темному Лику.

Здесь скрывалось явное несоответствие – только накануне старший пенял родителям за то, что Хэл идет по кривой дорожке, и вот теперь сам его на нее отправляет. Но счастливый, точно отпущенный на свободу узник, Хэл, конечно, и думать не думал о таких мелочах. Просто дал деру и не

останавливался, пока не достиг границы леса.

Солнце уже придавливало деревья, мягким бесформенным комом расплющиваясь о кромку леса. Косые лучи золотили раскинувшееся вокруг деревни поле, посреди которого тут и там застыли темные остовы «ржавок». Хэл вспомнил, как перетрусили друзья, когда он забрался в одну из них, усмехнулся и углубился в лес.

Погруженный в задумчивость, он бездумно наигрывал на флейте обрывки мелодий. Они вспархивали в небо, подобно легкокрылым птицам, и разносились далеко по лесу. Если кто-то из приятелей здесь, они обязательно услышат и придут скрасить его одиночество.

Но час был поздний, и никто не появлялся из кустов с довольным видом и перемазанной ягодами физиономией. Хэл уже хотел повернуть назад и попытаться счастья в деревне, как вдруг между стволами текуще промелькнула какая-то тень. Уже смеркалось, но Хэлу показалось, что это мальчик примерно его возраста.

– Эй, погоди-ка!

Беглеца и след простыл.

Хэл бросился за ним, с хрустом раздвигая кусты и ломая ветки. Как этот пацан ухитрился исчезнуть так бесшумно, что ни один сучок не хрустнул и веточка не шелохнулась?

Тут Хэл сообразил наконец, с кем столкнулся и крикнул, окончательно завязнув в кустах:

– Да постой ты! У меня есть кое-что твое, хочу вернуть!

Он шумно выдохнул, утер пот и внимательно осмотрелся. Теплый вечерний ветер мягко шелестел листвой, покачивал кроны деревьев в лилово-розовом небе. Среди веток кустов, попискивая, устраивались на ночлег птицы.

Никого.

Хэл разочарованно вздохнул и уж совсем собрался повернуть назад, как вдруг справа у сосны бесшумно возникла высокая фигура, угольно-черный силуэт на фоне сиреневых сумерек. Совершенно неподвижный, он словно сливался со стволом, о который оперся рукой. Ветер чуть заметно шевелил распушенные волосы.

Хэл шагнул к нему, но мальчик отскочил, готовый вновь раствориться в лесу.

– Не бойся! Я не собираюсь за тобой гоняться!

Черная фигура напряженно замерла.

– Я Дирхель Магуэно, но все зовут меня Хэл. А тебя как звать?

Ни звука, ни движения.

Хэл снова неосознанно сделал шаг вперед, и его визави тут же прыгнул в сторону.

– Нет-нет, не убегай! Я принес корень, который ты выкопал на поляне, когда... эм... в общем, вот, держи. Ты так на него смотрел, я подумал, это ценная штукавина.

Хэл достал корень из кармана штанов и протянул мальчику, но тот не шевельнулся, оставаясь на безопасном расстоянии. Хэл почти чувствовал на себе его напряженный, недо-

верчивый взгляд.

Странно, в прошлый раз, даже столкнувшись нос к носу с несколькими недружелюбно настроенными мальчишками, он не вел себя так пугливо.

– Хорошо, положу вот сюда, – сдался Хэл и пристроил корень на краешек пня, – смотри, не потеряй, темнеет уже.

Поскольку мальчик так и не тронулся с места, Хэл, пожав плечами, развернулся и вылез из чащи, оставляя за собой целую просеку из придавленного мха и поломанных кустов.

Через пару шагов обернулся, чтобы убедиться, что корень еще лежит на пне, где он его оставил.

Корня не было – как и темной фигуры у ствола сосны. Она исчезла так же беззвучно, как и появилась.

– Даже не поблагодарил! – обиделся Хэл и тут же понял, что сглупил. С чего бы мальчику благодарить за возвращение того, что у него отняли?

Хэл чувствовал себя не в своей тарелке, хоть и поступил вроде бы правильно.

Ведь правильно?

Чтобы развеяться, он поспешно достал флейту и заиграл. Веселый мотив разнесся далеко по притихшему лесу, и на душе сразу полегчало. Хэл решил отправиться к Натану – там всегда можно ухватить кусок и послушать страшные истории, рассказывать которые старшая сестра Ната большая мастерица.

Выводя затейливую мелодию, Хэл больше не оборачивал-

ся и не заметил быструю тень, которая, перебегая от дерева к дереву, следовала за ним почти до границы леса.

Всю следующую неделю шли дожди. Солнце редко выныривало из-за туч, и не успевало все хоть немного просохнуть под его лучами, накатывал очередной вал облаков, и вновь мир становился мокрым и противным до дрожи.

Побывав в лапах Майло, Хэл решил малость отдохнуть и несколько дней не приходил ночевать, кочуя по домам сестер и приятелей. Его кормили, с удовольствием слушали немудреную игру на флейте и журили за шалость с Аганном, который, по слухам, даже к окнам в ночную пору теперь подходить боялся. Хэл сомневался, что здорового мужика, никогда не отличавшегося трусостью, можно пронять таким глупым розыгрышем, но в глубине души ему было приятно.

Как бы невзначай он расспрашивал односельчан о Свершителе и его семье и скоро обогатился кучей новых знаний.

Первый Свершитель – отец нынешнего – обосновался здесь около сорока лет назад и сразу же построил дом в самой чаще леса. Завел обширное хозяйство – огород, козы, все, что нужно для жизни. Большую часть времени проводил во Вьене, выполняя приказы о наказаниях, и лишь изредка возвращался в лес к семье. Его сын перенял эту традицию, никого из проклятой семьи в деревне ни разу не видели.

Говорили обо всем этом по большей части шепотом и постоянно сотворяя охранные знаки, поскольку само упомина-

ние о Свершителе могло навлечь беду на говорящего.

Теперь Хэл понял, отчего сын Свершителя не захотел даже приблизиться к нему. Наверняка сцена, что произошла между ним, Натаном и Беном была далеко не первой, и мальчик научился не доверять никому из деревни.

Однако как же он живет вот так – совсем один, без друзей? И что это он такое раскапывал?

К странному мальчику его влекло не только любопытство, но и подспудное желание делать все наперекор, пробудившееся в Хэле пару лет назад. Ну и потом, если он завяжет знакомство с сыном Свершителя, сможет рассказать, как тот живет, его авторитет среди мальчишек взлетит до небес.

Сказочки о том, что Свершитель ест на завтрак заблудившихся в лесу маленьких детей, смешили Хэла, хотя он и знал, что даже самые дикие рассказы порой содержат крупицу истины. Но это, наоборот, только добавляло азарта предстоящему приключению.

Осуществить свою задумку Хэл решил в первый же ясный день, но прежде на всякий случай забежал домой. Совесть его была беспокойна из-за того, что он бросил родителей и особенно маму в обществе Майло.

Дом, залитый утренним солнцем, умытый дождем, встретил его странной тишиной. Тяжелые от воды ветви кустов и яблонь клонились к земле, готовые окатить неосторожного холодным водопадом.

Дрожа от острой прохлады, Хэл по привычке прокрался

на задний двор к «своему» окошку. Он уже забыл, когда в последний раз входил в собственный дом через дверь, не таясь, как положено любому человеку, но не придавал этому особого значения. Это просто жизнь, и она вот такая. Хэл с раннего детства усвоил, что лучший способ пережить любую напасть – не воспринимать ее слишком серьезно.

В комнатенке с трудом помещались три узкие кровати – его собственная и двух братьев. Майло раньше спал на полу, но, как только последняя из сестер покинула дом, быстро перебрался в «девчачью» комнату и теперь жил там, как король, в полном одиночестве. Хотя, конечно, сложно представить человека, который захочет делить комнату с Майло.

Прокравшись на кухню, Хэл подхватил кусок хлеба, черпанул ложкой кашу прямо из горшка. На кухонном столе стояли две тарелки, лежали ложки, сыр и яблоки. В столбах света танцевали пылинки. Казалось, здесь собирались завтракать двое, но что-то им помешало... вот только что? И где же они сейчас, ведь в доме так тихо?

Кольнуло нехорошее предчувствие; обычно Хэл был слишком беспечен и невнимателен, чтобы их замечать, но сейчас словно бы кто-то прошептал над ухом: «Смотри! Будь осторожен!».

Хэл сунул хлеб за пазуху, отхлебнул прохладной грушевой воды прямо из кувшина... и вдруг странный звук самым краешком коснулся сознания. Он выглянул из кухни в коридор – пусто. Дверь в комнату Майло плотно закрыта, но он

всегда закрывался, домашние к этому давно привыкли.

Хэл тихонько приблизился к двери, не замечая, что крадется на цыпочках. Положил ладонь на грубые доски и замер, обратившись в слух.

В начале ничто не нарушало тишину, кроме чириканья птиц во дворе – входная дверь была распахнута настежь, на пол коридора и стену косо падали горячие солнечные лучи. А потом за дверью Майло возник какой-то звук – шорох ткани и как будто бы стон. Даже не стон, а тяжелый вздох, как будто человеку зажали рот ладонью и он пытается вдохнуть носом достаточно воздуха.

Хэл резко отдернул руку, словно доски двери обожгли ее. Что-то как будто оформилось в его сознании, какое-то ужасное понимание готово было родиться – и, спасаясь от него, Хэл, бухая половицами, выскочил из дома и бросился бежать.

Остановился лишь у самого леса – сердце колотилось в горле, дыхание срывалось. Внезапно навалились отчаяние и горечь, захотелось уйти и больше не возвращаться. Но Хэл был уже достаточно взрослый, чтобы понимать, что это невозможно. В одиночку в лесу не выжить...

Однако у Свершителя же как-то получается?

Он медленно побрел между деревьями, забыв даже про флейту. Все привыкли к тому, что Хэл неизменно бодр и весел и отвечает смехом на любые жизненные неурядицы. Но и его оптимистичный настрой иногда давал сбой. На-

пример, сейчас, когда смутные подозрения впервые стали оформляться в нечто такое, что не укладывалось в сознании... и если Аганну он еще мог насолить, перед Майло пасовал точно так же, как и все домашние.

Собственно, Аганн ничем таким не провинился, даже наоборот – помог семье Магуэно с провизией прошлой зимой. И теперь припоминал им это на каждом деревенском собрании. Как и многим другим; половина деревни ходила у него в должниках, а значит, всегда говорила в его пользу. Богатенький, заносчивый говнюк – приятно немного сбить с такого спесь. Он...

Хэл медленно моргнул и вернулся в реальность.

Впереди между деревьями проглядывало что-то светлое, напоминающее доски забора.

Хэл вздрогнул и невольно замедлил шаг. Он старался идти так же бесшумно, как сын Свершителя, но согнутые им тонкие ветки со свистом распрямлялись за спиной, под ногами похрустывал подлесок, сучки с сухим треском ломались о плечи.

Похоже, перед ним и впрямь была усадьба Свершителя, хотя больше всего она напоминала крепость. Забор в полтора человеческих роста из плотно подогнанных друг к другу заостренных бревен – настоящий частокол. Никаких признаков ворот или калитки, хотя, судя по примятой траве, ходят здесь довольно часто.

Как же они попадают внутрь?

Из-за забора не доносилось ни звука. Хэл прошел немного вправо, пока не наткнулся на дерево с удачно растущими ветками. Вскарabкался примерно до середины ствола, но сколько ни вытягивал шею, густая листва мешала разглядеть подворье Свершителей. Пришлось проползти немного вперед по толстой ветке, хотя она угрожающе пружинила под тяжестью Хэла. Но теперь – наконец-то! – он смог хоть что-то увидеть.

Солидный дом в два этажа, сложенный из толстых бревен, окружали многочисленные сараи и пристройки. Небольшой двор, покрытый деревянным настилом, посередине колодец. Ни во дворе, ни у дома ни души.

Стоп, а это кто?

Что-то мелькнуло в просвете между листьями, Хэл прищелкнул... и вздрогнул. По настилу прогуливался огромный серый пес с черной маской на морде и такой богатой шерстью, что можно было, наверное, стричь его, как овцу. Секунду спустя к нему присоединился второй, рыжей масти – потянулся, раззявив пасть с устрашающими клыками.

Пот выступил у корней волос и потек по шее. Хэл мысленно порадовался, что даже не пытался проникнуть за забор – не хотелось бы свести близкое знакомство с такими зверюгами.

Внезапно влажная ладонь скользнула, Хэл потерял равновесие и еле удержался на ветке. Псы тут же навестили уши, принялись и залились яростным лаем. Низкое, басовитое

гавканье разносилось, казалось, по всему лесу. Собаки подбежали к забору в том месте, где росло дерево, и принялись с остервенением бросаться на него, демонстрируя полную готовность разорвать чужака в клочья.

Хэл неуклюже попятился, чтобы поскорее вернуться к спасительному стволу... и кувырнулся с ветки вниз головой.

К счастью, она не нависала за забором, иначе тут бы ему и пришел конец. Но падение с такой высоты не сулило ничего хорошего, и Хэл зажмурился в ожидании удара и неизбежной боли... но их не последовало.

Пара крепких рук подхватила его, их обладатель не удержался на ногах, и они вместе повалились в куст. Хэла ощутило пихнули в спину, он поспешно завозился, пытаясь встать. И все же прошло еще несколько секунд, прежде чем они, с ног до головы исцарапанные, вырвались наконец из цепких объятий куста.

Хэл несколько не удивился, обнаружив, что смуглое скуластое лицо спасителя ему знакомо. Правда, выражение его было еще более мрачным, чем при их первой встрече.

– С-спасибо! – только и смог вымолвить Хэл и, поскольку собаки за забором по-прежнему громко выражали возмущение, счел за благо ретироваться.

Только на границе леса, отдышавшись и немного придя в себя, он понял, как сглупил. Это был шанс познакомиться, а Хэл бездарно его профукал, испугавшись, что на шум выйдет Свершителю. Хотя, конечно, трудно рассчитывать на до-

верие после того, как тебя застукали за подглядыванием.

Хэл с досадой треснул ладонью по лбу, но ничего не изменишь, что сделано, то сделано. При мысли о неизбежном возвращении домой на душе стало совсем скверно.

И вдруг чуть хриплый и низкий голос произнес у него за спиной:

– Зачем ты бьешь себя?

Хэла окатила волна жара, он испуганно обернулся – и не поверил своим глазам.

Сын Свершителя стоял прямо у него за спиной. На этот раз черные волосы были стянуты кожаным шнуром в небрежный хвост. Темные глаза точно бездонная заводь, но выражение досады на смуглом лице как будто слегка сгладилось.

Как ему удалось подкрасться незамеченным? Безветрие, тишина, лишь где-то вдалеке посвистывали птицы. Солнце стояло высоко, на темно-изумрудный мох под ногами падали рваные пятна света.

– Это... ты что, следил за мной? – Хэл с трудом разлепил враз пересохшие губы.

– Ты тоже за мной следил, – резонно заметил мальчик. Он произносил слова медленно и с некоторым усилием, как человек, которому нечасто приходится пользоваться речью. Возразить было нечего, но Хэла это несколько не смутило.

– Я случайно наткнулся на вашу усадьбу, – заявил он, – и-

и-и... просто решил узнать, дома ты или нет.

— Обычно для этого стучат. — Хэл готов был поклясться, что в глазах мальчика промелькнуло ехидное выражение и тут же исчезло за завесой непроницаемости.

— А я похож на кого-то обычного? — Хэл вызывающе подбоченился.

Мальчик словно ощупывал его лицо пристальными черными глазами. Потом взгляд скользнул ниже и зацепился за флейту, заткнутую за пояс.

— Хочешь, чтобы я сыграл? — догадался Хэл и достал инструмент.

Но едва только первые трели разлетелись по лесу, как мальчик вскинул голову, тонкие ноздри затрепетали, точно у лошади, почуявшей змею. В следующий миг он развернулся и буквально растворился в негустом подлеске.

— Эй, погоди, ты куда? — воскликнул Хэл, бросаясь следом. — Не нравится — так и скажи...

Но мальчик исчез, точно его и не было.

Уязвленный Хэл уже собрался сыграть погромче, как вдруг за спиной зашумело и затрещало, и из кустов вынырнули Бен и Натан.

— Ну наконец-то! — крикнул последний еще издали. — Думали, ты уж никогда в лесу не появишься!

Бен хлопнул Хэла по плечу, и они пошли по лесу, дружески болтая. Но Хэлу постоянно чудилось, будто в спину упирается темный взгляд, и теперь была его очередь чувство-

вать себя не в своей тарелке. Он сообразил, что новый знакомый ретировался, услышав приближение мальчишек, – оставалось только позавидовать остроте его слуха. Хэл досадовал на свою недогадливость – флейта неизбежно привлекала внимание, именно ее напев и помогал им обычно собраться вместе в лесной чаще.

Теперь уже поздно сожалеть, пришлось провести весь день с Беном и Натаном, старательно развлекаясь, чтобы они ничего не заподозрили. Вначале нужно подобраться к сыну Свершителя поближе, а уж потом хвастать успехами. Поймать нужный момент Хэл умел как никто.

Он вернулся домой, когда солнце уже закатилось, и лишь густо-красная черта полыхала сквозь стену леса, как ожог.

Отец и братья сидели за столом, мать хлопотала на кухне, подавая сразу по две тарелки со сноровкой и скоростью человека, привыкшего к многолюдству. Маленькая, тихая и какая-то бесцветная, она всегда словно бы старалась быть как можно незаметнее, занимать поменьше места. Вот и сейчас даже не взглянула на вошедшего Хэла, лишь быстро положила картошки с тушеными овощами в еще одну тарелку.

Хэл, не поднимая глаз, молча приткнулся к краю стола и принялся жевать. Но, конечно, незамеченным его появление не осталось.

– Явился, не запылится! – Насмешливый голос Майло резанул, как нож. – Три дня где-то шлялся, пока мать одна над-

рывалась, а теперь смотри-ка – пришел и наворачивает как ни в чем не бывало!

«Вот сам бы ей и помог, раз такой умный».

Отец, мать и братья продолжали есть, глядя в тарелки, и в душе Хэла в который уже раз поднялся гнев – не только на брата, но и на всех остальных, безропотно терпящих такое. И в то же время смутным холодом ощущалась некая тайна, хранимая Майло за закрытой дверью его комнаты; она скрывала Хэлу язык, хотя обычно он за словом в карман не лез.

Вот и сейчас упорно, со злостью продолжал запихивать в себя еду, не поднимая глаз под злобными нападками Майло. К счастью, сил у старшего надолго не хватило, он быстро закончил с едой и ушел к себе, громяхая костылем по дощатому полу.

Хэл сознавал справедливость упреков, но не мог заставить себя проводить дни дома даже ради матери. Последнее время каждое столкновение с Майло словно вырывало из него что-то, и рана долго, болезненно саднила. И он старался не пересекаться с братом – почти каждый день отправлялся в лес и бродил там, надеясь встретить нового знакомого.

Но тот как сквозь землю провалился. Пару раз Хэл добирался до усадьбы Свершителя, однако близко подходить не рисковал, а из-за забора не доносилось ни звука, как будто дом был необитаем.

Хэл и сам до конца не понимал, чего добивается, но он вообще не слишком-то задумывался о причинах своих же-

лений – почему нравится та еда или эта, один человек или другой. Возможно, в нем говорил дух противоречия, да и сам мальчик ему глянулся. Чувствовалось, что он отнюдь не глуп, за словом в карман не лезет, пусть такая необходимость и возникала нечасто.

Тем временем лето быстро подходило к концу, совсем скоро урожайная пора – тогда уж в лес точно не убежишь, в хозяйстве понадобится каждая пара рук. А там и осень, потом зима, которая замурует всех по домам, отрежет сугробами от остального мира. Надо было торопиться.

В один из последних погожих дней Хэл в который уже раз одиноко бродил по лесу. Теперь он не рисковал играть на флейте, так что многочасовое хождение стало уж совсем невыносимо скучным. Но он не отступал и упорно нарезал круги, сворачивая под самыми неожиданными углами и насвистывая себе под нос обрывки мелодий. И вдруг понял, что вышел на ту самую полянку, где они с друзьями наткнулись на сына Свершителя, собиравшего травы.

К полному изумлению Хэла, он и сейчас был там – сидел на корточках и как ни в чем не бывало копался в корзинке. По смуглому лицу пробегали тени, когда солнце то скрывалось за быстро несущимися облаками, то выныривало вновь.

Хэл бросился вперед.

– Привет! Наконец-то я тебя нашел!

На этот раз мальчик не убежал. По губам скользнула чуть заметная усмешка, но лицо тут же вновь приняло холодное,

отстраненное выражение. Мельком взглянув на Хэла, он вернулся к своему занятию.

– Что собираешь, опять те корни? Все хотел спросить, зачем они тебе? И кстати – как тебя зовут?

Все это Хэл вывалил одним махом и с нетерпением принялся ждать ответа. Однако мальчик и не думал отвечать – он аккуратно срывал темно-зеленые курчавые листочки, росшие у самой земли. Каждый листочек внимательно осматривал и лишь после этого клал в корзинку. Затянувшуюся паузу прерывал лишь шелест листвы над их головами да далекие выкрики кукушки.

– Эй, невежливо молчать, когда тебя спрашивают! – наконец возмутился Хэл. – Я вот Дирхель Магуэно, но все называют меня Хэл, так что ты тоже можешь меня так звать.

Никакой реакции.

Хэл присел на корточки, наклонил голову и вывернул ее так, чтобы заглянуть в лицо мальчику. Тот слегка отодвинулся, чтобы голова Хэла не закрывала обзор, и невозмутимо продолжил свое занятие.

Просто не верится! Хэл столько времени угрохал, чтобы найти этого мальчишку, и вот с ним не просто не хотят говорить, а вообще игнорируют!

Но он вспомнил обстоятельства их первой встречи и, подавив раздражение, примирительно произнес:

– Понимаю, мы плохо начали. Бен и Нат растоптали твою корзинку, а я как-то... не знаю, что на них нашло, они во-

обще-то неплохие ребята. В любом случае извини, что так вышло.

Движения тонких, мускулистых рук как будто немного замедлились, но их обладатель так и не поднял глаз.

– Эй, я же сказал, извини! – возмутился Хэл, как будто мальчик нарушил правила игры. – Ты меня выручил там, под деревом, так что мы с тобой теперь приятели!

– Вовсе нет, – холодно произнес мальчик и тщательно утрамбовал сложенные в корзинке листья.

– О, ты все-таки заговорил! – обрадовался Хэл и плюхнулся на траву. – Давай, скажи, как тебя зовут! Не скажешь? Нет? Ну и ладно, я сам угадаю! Ник! Верно? Нет? Значит, Пит? Тоже нет? Ну тогда дай какую-то подсказку, сам я не справлюсь!

Перебрав десятка три имен без всякой реакции со стороны собеседника, Хэл, в конце концов, выдохся и потерял терпение.

– Ты такой вредный, даже имя свое назвать не хочешь! А вот я сейчас возьму и-и... украду твою корзинку!

И прежде, чем мальчик успел среагировать, Хэл вскочил, схватил корзинку и побежал, лавируя между деревьями и хохоча во все горло. Триумф длился не больше пары минут – одна крепкая рука сцапала его сзади за ворот рубашки, а вторая выхватила корзинку.

– Все-все! – Хэл поспешно поднял руки ладонями вверх, все еще смеясь. – Ты победил, признаю! А скажи-ка, как тебе

удается бесшумно ходить по лесу? Научишь меня?

Они стояли лицом к лицу, тяжело дыша. Только тут Хэл осознал, что мальчик значительно выше него – пришлось приподнять голову, чтобы взглянуть в возмущенно сверкающие темные глаза.

– Слушай, ну я же извинился за тот раз! Почему бы нам не стать друзьями? Дружить со мной очень даже выгодно! Я знаю все рыбные места на реке и ловушки, где можно разжиться куропаткой. Ну как, друзья?

– Нет.

Мальчик обогнул Хэла, но тот ловко преградил ему дорогу и хитро подмигнул.

– Научу тебя играть на флейте! Ты же хочешь научиться?

Мальчик чуть помедлил, но все же ответил:

– Нет.

– Знаешь, очень обидно, когда тебе вот так раз за разом отказывают! – заявил Хэл. – Не боишься, что я как-нибудь ночью проберусь к твоему дому и...

Он сделал драматическую паузу, но тут же вспомнил собак и понял, что угроза лишена всякого смысла.

Мальчик снова чуть заметно усмехнулся, как человек, одержавший победу без особых усилий. Развернулся и, зажав корзинку под мышкой, скрылся в густом кустарнике. И снова ни одна веточка не хрустнула, и даже не было слышно звука удаляющихся шагов.

– Все равно подружимся, никуда не денешься! – крикнул

ему вслед Хэл, достал флейту и с улыбкой повернул к деревне, наигрывая веселый мотив.

Впервые за много дней на сердце у него было легко.

Начало сбора урожая Хэла отчасти даже порадовало. Работать в поле нелегко, зато риск столкнуться с Майло сводился к нулю.

Как назло, погода испортилась окончательно, собранные овощи приходилось относить в сарай и на чердак, раскладывать на просушку, прежде чем убрать в погреб. Спину ломило, руки распухли и потрескались от постоянной возни в холодной влажной земле. Но Хэл не жаловался – привык.

Да и посмотрел бы он на того, кто начал бы жаловаться в их семейке!

Пол приболел, несколько дней переносил лихорадку на ногах, но, в конце концов, все-таки свалился, что вызвало у Майло такой приступ ярости, словно несвоевременной болезнью отец нанес ему личное оскорбление.

Теперь, отработав в поле, Хэл занимал пост у постели отца – придерживал, когда тот метался в бреду, давал напиток, обтирал прохладной водой пылающее лицо. Но Майло словно припекало – на третий день он велел матери оставаться с отцом, а Хэла прогнал в лес собрать можжевельных ягод для отвара от лихорадки.

Понять брата было невозможно и тем более невозможно было ему угодить. Что не сделаешь – все не так. Но сейчас

Хэл не думал об этом, тревога за отца гнала его вперед. За время своих одиноких блужданий он хорошо изучил лес и сразу направился туда, где можно было нарвать ягод.

Низкое небо хмурилось. Листья только-только начала желтеть, но в лесу было мокро и так холодно, словно зима началась прямо без перехода, минуя осень. Хэл подобрал полы великоватого ему плаща и почти бегом устремился сквозь чащу.

Охваченный тревогой, он не смотрел под ноги и чуть не споткнулся о человека, который, стоя на коленях, с остервенением рвал траву.

– Темный бы тебя... эй, да это ты!

Человек мгновенно выпрямился и отскочил назад с уже знакомым проворством. Хэл ухватился за ствол дерева и перевел дух. За бесконечными осенними заботами он не забывал о новом знакомом, но сейчас все мысли занимал отец, и Хэлу было не до веселья.

– Прости, я тебя не заметил... – рассеянно произнес он и только тут обратил внимание на внешность мальчика.

Тот тяжело дышал, проступивший сквозь смуглую кожу румянец казался багровым. Черные глаза ярко блестели, взгляд блуждал, словно искал что-то. Ни плаща, ни куртки, лишь рубашка и поверх короткая шерстяная жилетка, распахнутая на груди. Рукава рубашки закатаны по локоть, руки перепачканы в земле.

– Ты чего? – удивился Хэл. – Случилось что-то?

Мальчик посмотрел на него измученным взглядом.

– Нет. – Голос у него был хриплый и как будто сорванный.

– Кто-то тебя обидел? Бен и Нат?

– Нет.

Все это выглядело более чем странно, но, увы, у Хэла не было времени разбираться..

– Слушай, отец заболел, я наберу ягод и назад. Не могу болтать, здорово, что повидались, давай!

Он прошел мимо, отодвигая с дороги мокрые ветки. На миг показалось, что сейчас ему на плечо ляжет рука, но мальчик не пошевелился и не издал ни звука.

И Хэл поспешил к кустам можжевельника.

Ближе к вечеру отец пришел в себя.

Накрапывал дождь, монотонно шелестел за окном, словно шептал что-то. Он навевал сон, но Хэл усилием воли отгонял дремоту. Клод и Себастьян уже спали, утомленные днем, полным тяжелого труда, мать возилась на кухне. Она постоянно пребывала в движении, словно только работа придавала ее существованию какой-то смысл.

Голова Хэла все тяжелее давила подбородком на подставленную ладонь, и тут он заметил, что отец открыл глаза и смотрит на него.

– Как ты? – прошептал Хэл, оглядываясь на полосу света под дверью и мысленно умоляя Всемогущего, чтобы тот задержал Майло в деревне подольше.

А еще лучше – чтобы Майло поскользнулся где-нибудь на своем костыле и сломал шею.

Отец погладил его по руке и чуть опустил веки. Осунувшееся лицо казалось моложе, чем обычно, его можно было принять за старшего брата Хэла.

– Рассказать тебе что-нибудь? Может, хочешь попить?

Пол слегка качнул головой.

– Нет. Посиди со мной.

– А я и так здесь, никуда не денусь!

Хэл бережно поправил волосы отца, прилипшие к влажной шее. Встал, чтобы принести новую свечу – прежняя уже догорала, и тут входная дверь скрипнула, впуская постукивание костыля.

В груди Хэла привычно похолодело, он невольно задержался в комнате, чтобы Майло его не заметил. Тот прошел на кухню, но резкий голос разносился по всему дому:

– Слыхала, что во Вьене-то случилось?

Мать что-то прошелестела в ответ, и Хэл невольно поморщился. Майло относился к матери с еще большим презрением, чем к отцу, совсем ее не замечал. Хэлу казалось, что он и упоминает-то ее только как предлог для попреков, мол, шляешься, не помогаешь...

Но новость, как видно, жгла Майло язык, и, когда он заговорил, Хэл, собиравшийся проскользнуть в кладовку за свечой, застыл на месте:

– Жену корзинщика должны были казнить – мужа поре-

шила. И подумать только, пока ее везли на площадь, собралась преогромная толпа, споры пошли, да раздоры, виновна она или нет. Мол, муж-то ее изрядно поколачивал, и она лишь защищалась, за что же жизни лишать? Слово за слово, начали ее отнимать, Свершителю голову разбили, одна половина народа с другой схлестнулась. Визг, крики, кровища рекой течет! Весь город ходуном ходил, такая была драка! Патруль, стражу – всех разметали! Во дела, а?

Мать что-то спросила, и Майло продолжил, задыхаясь от волнения:

– А Темный ее знает, то ли сбегла, то ли затоптали. Мальчишка Аганнов вот только из Вьена вернулся, говорит, боялся ехать, город, как котел, бурлит! Свершителя даже прибили, вот оно как! Лекарь к нему ни в жисть не сунется, померет, как пить дать. А когда теперь нового-то сыщут, глядишь, много времени пройдет. Какое-никакое, а все же послабление, повезло нам!

«А нам-то чего? – с досадой подумал Хэл. – Можно подумать, мы разбойники какие».

И тут же понял, почему сын Свершителя был сам не свой – видимо, уже знал о несчастье с отцом.

Хэл не успел додумать эту мысль, как свеча у кровати Пола мигнула и погасла. В тот же миг дверь приоткрылась, и в светлом проеме возникла перекошенная фигура. Хэл невольно попятился.

– Ты чего не спишь?

– С отцом сижу. Хотел за новой свечой...

– Живо ложись! – отрубил Майло. – Нечего огонь бестолку жечь!

Костыль прогремел по коридору, хлопнула дверь.

Хэл с силой втянул воздух сквозь стиснутые зубы. Майло даже не спросил, как здоровье отца, и это бесило гораздо больше, чем грубый тон. И все же Хэл промолчал – опять промолчал. Хоть он и с трудом терпел выходки Майло, все же не мог до конца избавиться от страха. От брата осталось фактически лишь полчеловека, однако силы и ярости хватило бы на пятерых.

– И то верно, – прошелестел голос отца, – от света только глаза болят.

– Как ты можешь это терпеть? – негромко произнес Хэл. Он и сам не ожидал от себя такого вопроса – то ли новость взбудоражила, то ли темнота способствовала откровенности. – Почему вы с мамой это терпите?

Пол молчал так долго, что Хэл, снова присевший на край постели, решил уже, что не получит ответа. Успел ощутить по очереди неловкость, досаду и чувство вины за то, что тревожит больного.

И тут отец тихо промолвил:

– Он тяжело болен... долго не протянет.

– А мне кажется, он нас всех переживет и похоронит. А потом спляшет на наших могилах.

– Не говори так.

Руки Хэла сжались в кулаки.

– То, что он болен, не дает права так себя вести.

Отец вздохнул и повернулся на бок.

– В год, когда родился Майло, было очень холодно, все лето шли дожди. Хлеб сгнил на корню, овощи погибли. Все голодали, и твоя мама тоже... а когда Майло родился, все думали – не жилец. Он дышал так, словно каждый его вздох последний. Но однажды, когда твоя мать спала... я сидел у очага и держал Майло на руках. От тепла ему как будто становилось легче. И вдруг – то ли свет упал по-другому, то ли я задремал... но мне почудилось, будто личико Майло покрыли морщины и я вижу перед собой старика, прожившего долгую жизнь. И утром сказал твоей матери – ничего не бойся, он выживет... наш сын будет жить. А потом, без всяких причин...

Пол тяжело вздохнул и закашлялся, стараясь производить поменьше шума. Хэл придержал его за плечи. От тела отца исходил жар, обжигающий даже сквозь одежду. В распахнутом воротах рубахи мелькнул слабый отблеск – маленький охранный амулет из темного металла, все, что осталось у Пола от матери. Отец носил его не снимая, но болел так часто, что проку от этой вещицы, судя по всему, было немного.

– Я пытался... урезонивать его, – продолжал Пол, отдышавшись, – просил, уговаривал. Но ярость его слишком велика. Он понимает, что скоро умрет и завидует всем нам, нашему здоровью, тому, что мы продолжим жить, когда его

не станет. Впереди у него ничего нет – ни любви, ни детей, ни свадебных венков... только смерть. И он... ненавидит нас за это.

– Но что же делать? – вырвалось у Хэла. – Невозможно так жить!

Пол тяжело вздохнул.

– Мы должны. Каким бы ни был Майло, он наш сын и твой брат. Мы не можем бросить его в беде.

«А как же наша жизнь? Неужели она не имеет значения?!» – хотел крикнуть Хэл, но сдержался, лишь молча накрыл горячую руку отца своей. В комнате было прохладно, но на висках выступил пот, его обуревали сотни взвихрившихся чувств и мыслей.

Еще ни разу в жизни отец не говорил с ним так прямо и откровенно, но его слова переворачивали все в сердце Хэла. В эти минуты он любил отца, как никогда прежде, хотел уберечь его и маму, но не знал, как это сделать.

– Поспи, – прошептал он, – я буду рядом.

– Спасибо.

Пол все еще держал его руку, но постепенно дыхание выравнивалось, и пальцы мягко расслабились. Хэл продолжал сидеть в той же позе и думать, думать, думать...

Он чувствовал себя ужасно беспомощным. Отец прав, прогнать Майло из деревни, как от века поступали с неудобными людьми, обречь его на одинокую, мучительную смерть они не могут. Но и терпеть дальше его злобные выходки нет

никаких сил. В этот миг Хэл был готов на что угодно, лишь бы найти выход из этой ловушки.

И тут в голову пришла неожиданная, почти безумная мысль.

Вязкая темнота липла к оконному стеклу, как смола. В доме царил покой, лишь дыхание Пола и тихое шуршание мыши в углу нарушали тишину.

Хэл поднялся, потянулся всем телом, онемевшим от долгой неподвижности. Потом подошел к шкафу, где хранилась одежда, и на ощупь подцепил доску пола у его правой ножки.

Местонахождение тайника хранилось в строжайшей тайне, но, разумеется, все дети о нем знали. Хэл запустил руку в углубление и вынул объемистый узелок, набитый пластом¹. Мать собирала его на приданое младшей дочери, но та почему-то и слышать не хотела о замужестве. Уехала в город и там пробивалась самостоятельно – ни кусочка пласта с собой не взяла.

Хэл сунул узелок за пазуху, достал из шкафа отцовский зимний плащ и, не рискуя идти мимо комнаты Майло, осторожно вылез в окно. Холодный ночной воздух взбудрил его, и сонливость отступила. Следовало торопиться, чтобы успеть до света совершить задуманное.

¹ Мелкие осколки пластика, используются в качестве денег.

Хэл ни разу не был во Вьене, но дорогу, которая вела туда, знал очень хорошо. Собственно, она одна, ошибиться невозможно. Сейчас, осенью, она представляла собой цепочку ям разной глубины, до краев наполненных водой. Хэл шел по самому краешку обочины – мокрые ветки и трава, конечно, доставляли неудобства, но хотя бы не надо без конца петлять, огибая лужи.

Ярко светила луна, дорога извивалась серой лентой в ее свете. Когда Хэл решил, что отошел от деревни достаточно далеко, достал флейту и заиграл веселый мотив. Это помогало не думать о зловещей черноте, притаившейся между деревьями. Смелости ему было не занимать, но глубокой ночью одному на проселочной дороге даже взрослому человеку станет жутко.

К счастью, разбойники за последние тридцать лет повывелись – во всяком случае, Хэл за всю жизнь не слышал ни об одной банде, хозяйничающей в окрестностях Вьена. А ведь после того как эпидемия Белой Лихорадки выкосила большую часть человечества, такие нападения были буквально прозой жизни. Спасаясь от болезни, люди бежали из Мегполисов – впоследствии это назвали Великим Исходом, – занимали небольшие населенные пункты и окружали их крепостными стенами. Многие, воспользовавшись хаосом, пы-

тались заграбастать побольше благ современного мира – еды и боеприпасов. Банды сражались друг с другом, делили сферы влияния, нападали на города и при удаче разоряли их.

Сейчас, спустя триста лет, даже крепостные стены были, в общем-то, не нужны. Хэл убедился в этом, когда через пару часов вышел наконец к Вьену.

Дорога вынырнула из леса, и вокруг раскинулось огромное поле; посреди него чернел спящий город. Лунный свет не скрывал, а, скорее, подчеркивал удручающую ветхость крепостной стены. Был здесь когда-то и ров, но он пересох, зарос сорной травой, опущенный подъемный мост ушел в землю и давно превратился в мост обычный.

Приближаясь к городу, Хэл с любопытством оглядывался. На поле чернело множество «ржавок», оставшихся еще со времен эпидемии, а развалины «старого» города достигали границы леса и утопали в нем. Большинство людей питало необъяснимый страх перед остатками погибшей цивилизации, но Хэла они всегда притягивали своей таинственностью. Он много слышал о Хранилищах, в которых человечество попыталось собрать и спасти остатки знаний своего мира. Люди, исследовавшие их – Искатели, – по слухам, приносили в города удивительные вещи.

Да только Вьена все это не касалось, он относился к тем городам, где строго запрещалось использование любых предметов, оставшихся со времен до Исхода. Даже пласт, которым давно уже пользовались в качестве денег в остальном

мире, во Вьене был под запретом, все расчеты производились по старинке, путем натурального обмена.

Это просто убийственно сказывалось на торговле – да и торговли-то, по сути, никакой не было, в городе жили тем, что привозили из окрестных деревень.

Хэл машинально ощупал мешочек за пазухой. Что ж, остается лишь надеяться, что лекарь поймет свою выгоду. На такое количество пласта можно неплохо закупиться в Тэрасе, Гайле или даже на побережье.

При мысли об этих городах сердце, как всегда, сжалось от сладкого предвкушения, хотя Хэл понимал, что мечты о путешествиях почти наверняка останутся мечтами. Даже если болезнь в конце концов доконает Майло (в реальности такого исхода Хэл порой сомневался), Клод с Себастьяном женятся и заживут своими домами. О родителях же традиционно заботится семья младшего сына, так что у Хэла не было ни малейшего шанса отправиться в странствия. Но его деятельный ум не выносил рутины, жаждал знаний или, на худой конец, приключений.

В одно из них он ввязался прямо сейчас и ничуть не жалел об этом.

Городские ворота были закрыты, и Хэл довольно долго стучал в калитку, прежде чем за ней раздались нетвердые шаги и хриплый со сна голос:

– Какого Темного нужно?!

– Дяденька! – заскулил Хэл, заранее решив прикинуться

младше, чем он есть на самом деле. – Пустите, Всемогущего ради! Мне бы к лекарю!

– Спятил, ночь на дворе?! Рассветет, тогда и пушу.

– Брат помирает, дяденька! Как есть помирает! Мне бы поскорее, пустите, век Всемогущего за вас молить буду!

Сначала Хэл хотел записать в «умирающие» отца, но в последний миг, движимый непонятным суеверием, назвал Майло.

– Ладно, сейчас, сейчас... – сдаваясь, пробурчал голос.

Лязгнул засов, и Хэл проскользнул в открывшуюся щель.

– Где живет лекарь-то, знаешь? – Смутный силуэт охранника чуть покачнулся и оперся о ближайшую стену. Хэла накрыло волной сивушной вони. – Да куда тебе... дойдешь до площади, как перед аркой окажешься, налево от нее улица будет. Вот там...

– Спасибо, дяденька! Спасли брательника моего, век за вас...

– Давай, дуй, – перебил его охранник, махнув рукой, – если повезет, на месте его застанешь...

Хэл почти бегом поспешил прочь от ворот. Это оказалось нелегко, бессонная ночь и усталость от долгого пути давали о себе знать. Кроме того, после слов охранника воодушевление слегка спало. Лекаря может не оказаться на месте – об этом Хэл и правда не подумал! Но что поделаешь, отступить поздно, оставалось надеяться на лучшее.

Чем глубже мир опускался в темные воды осени, тем позд-

нее светало. Солнце как будто обиделось, едва грело и не спешило радовать мир своим появлением. Но сейчас Хэла это только радовало – для успешного осуществления его плана темнота была жизненно необходима.

Летом он порой разгуливал ночь напролет, но ночной город оказался куда неприятнее, чем лес, а тем более деревня. Улица уходила во мрак, точно в бездну, пустая, зловещая, сдавленная с двух сторон высоченными домами, в которых не мелькало ни одного огня. Хэл старался идти побыстрее, но постоянно запинаясь; низкие, разбитые сапоги чавкали по грязи, крысы бросались врассыпную при его появлении, сверкали бусинками глаз от стен домов и из мусорных куч.

Добравшись до площади, Хэл невольно вздохнул с облегчением. Дома немного отступили, небо вдруг очистилось, показав не по-осеннему яркие, низкие звезды. Хэл решил, что это к удаче – она ему, несомненно, понадобится.

Арка серела неподалеку, выделяясь на фоне окружающей темноты. При виде нее Хэл не смог сдержать дрожь. К этой невысокой каменной арке, покрытой затейливой резьбой, привязывали приговоренных к наказанию плетью, и сквозь нее же проходили те, кому суждено было умереть от рук Свершителя. Тот стоял прямо за аркой и, как только осужденный показывался с той стороны, тут же сносил ему голову мечом.

Хэл сто раз слышал, как об этом рассказывают односельчане, но слушать страшные рассказы в тепле безопасного до-

ма совсем не то же самое, что стоять одному ночью на том самом месте, где пролилась кровь сотен казненных. А что, если души их не ушли на Тот Берег, а бродят сейчас где-то рядом?

Превозмогая противную слабость в коленях, Хэл стиснул зубы и вспомнил, что говорил охранник у ворот. Встать прямо перед аркой, и тогда нужная улица будет с левой стороны. Он покосился в ту сторону. Улица уводила в глубокую черноту, точно зев колодца.

Это было до того жутко, что Хэл почти уже повернул назад. Но вдруг вспомнил свою последнюю встречу с сыном Свершителя, его согнутые плечи, отчаянный взгляд.

И это неожиданно придало сил. Хэл сглотнул и неуверенными шагами двинулся к нужной улице, хотя внутри все вопило, умоляя этого не делать. К счастью, дом лекаря он увидел почти сразу – лишь в его окне горел свет, и можно было различить вывеску над дверью. Читать Хэл, понятное дело, не умел, но символ – круглый пузырек и два перекрещенных ланцета – ни с чем не спутаешь.

Он постучал в дверь, всей кожей ощущая за спиной погруженный в темноту город. Казалось, он вовсе не спит, а только притворяется и исподтишка следит за Хэлом.

– Что такое? – Дверь отворила женщина. – Кто здесь?

– Тетушка, ради Всемогущего! – завел Хэл слезливо прежнюю песню. – Лекарь дома?

– Только что вернулся. Чего тебе?

– Отец тяжело болен. Пожалуйста, впустите!

– Да кто ты такой, скажи, наконец!

– Дирхель Магуэно из Кальи. Мы раньше лекаря не звали, сами как-то спасались, но отец...

Женщина, почти невидимая в полумраке, все еще не пускала его даже на порог, и тут за ее спиной возникла плечистая фигура.

– Магуэно? – произнес низкий мужской голос. – Помню Майло Магуэно, пацаном его ко мне приводили.

Хэл поспешно поклонился до земли, как это делали все деревенские:

– Храни вас Всемогуший! Это мой старший брат, а сейчас с отцом беда приключилась. Три дня уже лихорадка, задыхаться начал...

Тут Хэл покривил душой, но делать нечего, как-то надо было замаскировать истинную цель своего появления.

Женщина всплеснула руками и тихо ахнула. Ее светлый фартук выделялся в темноте белым пятном.

– Ты же не поедешь в Калью на ночь глядя?!

Мужчина густо вздохнул.

– Что делать, раз человек помирает. Принеси-ка котомку, Джен.

Женщина с причитаниями скрылась в доме и через минуту вынесла котомку, плащ и лампу.

– Лошадь возьмем, – заявил лекарь, широко шагая по улице, Хэл за ним еле поспевал, – если пойдем пешком, моя по-

мощь может уже и не понадобится...

— П-погодите, господин лекарь. — Хэл даже не знал, как зовут его спутника — он его вообще ни разу не видел. В Калье позволить себе вызвать лекаря могло разве что семейство Аганнов. — Есть еще одно дело, по которому я пришел к вам.

Они замерли посреди темной улицы. Где-то далеко залаяла собака, ей отозвалось несколько товарок. Хэлу скрутило живот, но он распрямил плечи и смело глянул лекарю в лицо. Это был высокий мужчина лет сорока, с курчавыми черными волосами и огромным горбатым носом. В темных глазах читалось недоумение.

— Дело? Какое еще дело?

— Я слышал, вчера тут были неприятности... со Свершителем.

— Неприятности? — лекарь цокнул языком. — Ну если считать неприятностями два десятка убитых и вдвое больше покалеченных... я только что с последним отваживаться закончил, а тут ты.

— Прошу, зайдите к Свершителю, он, наверное, совсем плох...

Это прозвучало как-то жалко, почти умоляюще, и Хэл подосадовал на себя.

Лекарь сделал шаг назад, на лице мелькнуло гадливое выражение, словно он увидел раздавленную лягушку или паука с добычей в лапах. А потом развернулся и двинулся назад, держа лампу повыше, чтобы не споткнуться.

Хэл остолбенел, но тут же бросился за ним.

– Подождите, куда же вы?!

– Убирайся. Ты же не думаешь, что я пойду лечить Свершителя? Чем быстрее он сдохнет, тем лучше.

– Но так нельзя! – возмутился Хэл, невольно выходя из «сыновней» роли. – И потом, если Свершитель умрет, на его место просто назначат нового. А каким он будет, еще неизвестно. Может, вам работы еще прибавится.

Лекарь даже не оглянулся.

– Я заплачу! – выкинул Хэл свой последний козырь. – Вот!

Он похрустел мешочком, и тяжелые шаги по булыжнику слегка замедлились. Лекарь обернулся с такой миной, как будто Хэл не предлагал ему плату, а руки выкручивал. Тот потряс мешочком в воздухе.

– Он ваш, если поможете Свершителю... и моему отцу.

Сердце Хэла стучало, как бешеное, пальцы онемели, и не только от прохлады ночной осени.

Он вдруг почувствовал, что сейчас в буквальном смысле решается его судьба, хоть и не мог понять, каким образом. Это ведь не его отец лежал сейчас где-то с пробитой головой и, быть может, умирал. А темноглазый мальчик, собиратель корней, не хотел даже говорить с ним, не то что дружить.

Но их последняя встреча не шла у Хэла из головы. Он снова вспомнил тяжелое дыхание, затравленный, исполненный отчаяния взгляд. Мучительно красноречивый, он умолял о помощи. Хэлу никто не может помочь, но он сам способен

оказать помощь тому, кто в ней нуждается. Тому, от кого все отвернулись.

Он шагнул ближе к лекарю – тот не отстранился – и протянул мешок.

– Возьмите. Мы успеем до света и сохраним все в тайне. Обещаю.

Хэл, разумеется, понятия не имел, где живет Свершител, поэтому старался держаться за спиной лекаря. Они шли быстро, почти бежали, одна улица, вторая... наконец свернули в неприметный переулок, дома на него выходили задней стеной, без окон.

С противоположной стороны Хэл с удивлением увидел заросли деревьев и кустарника, почти как в лесу. Среди них стоял небольшой домик в два этажа, верхние окна мерцали светом, слабым, словно дыхание умирающего.

У крыльца лекарь взглянул на Хэла, но тот покачал головой.

– Стучите. Я здесь подожду.

– Почему? – удивился тот. – Я не убегу, что уж теперь-то!

– Давайте же! – настойчиво произнес Хэл.

Лекарь пожал плечами и постучал. Какое-то время из дома не раздавалось ни звука, потом лестница заскрипела под медлительными, тяжелыми шагами.

Хэл метнулся в сторону и спрятался за угол дома. Он слышал тихие голоса, но не мог разобрать слов. В конце концов,

дверь затворилась, и опять стало тихо — лишь ветер посвистывал в обнаженных кронах деревьев.

Хэл остался на месте, кутаясь в плащ и слушая шуршание веток над головой. Приближалось утро, но темнота и не думала редеть; посыпался мелкий, противный дождь.

У него уже зуб на зуб не попадал, когда дверь снова скрипнула, и послышались удаляющиеся шаги. Хэл поспешил за лекарем и догнал его на главной улице.

— Как он?

— Жить будет. — Лекарь все ускорял шаг, и Хэл, еле поспевая за ним, пропыхтел:

— А... мой отец... как же с ним?

— Неужели ты думаешь, что после подобного я еще потащусь в Калью? — пренебрежительно фыркнул лекарь.

Сердце Хэла екнуло.

— Но... как же... мы ведь договорились... подождите!

Он догнал лекаря и схватил его за полу плаща, тот со злостью вырвался и прошипел:

— Пошел вон, паршивый щенок! Или все в городе узнают, что Магуэно спутались со Свершителем!

Его худое горбоносое лицо почернело от гнева, но в глаза Хэлу он все же не смотрел. Потоптался на месте и бросил напоследок:

— Завязывай с этим, парень. Порядочных людей дела Свершителя не касаются. Помрет он или будет жить — его проблемы, а не наши. А то смотри, закончишь так же, как он.

Хэл стоял молча, опустив голову, чтобы скрыть жгущие глаза слезы. И лишь когда шаги лекаря замерли в лабиринте улиц, резким движением вытер лицо рукавом и поспешил под нехотя светлеющим небом к городским воротам.

Через пару часов, мокрый насквозь и совершенно вымотанный ночным приключением, он стоял у забора, смахивающего на крепостную стену. Пожалуй, тот смотрелся куда надежнее стены, окружавшей Вьен. Рассвело, но низкое, серое небо как будто придавливало утро к земле, не давая ему разгореться в полную силу.

В этот раз собаки молчали – то ли спали, то ли обходили дозором свои владения. И это оказалось очень некстати.

– Эй! – крикнул Хэл. Он устал и не был склонен к церемониям. – Эй! Эй!

Откуда-то издалека донеслось возмущенное басовитое гавканье, и пару мгновений спустя в ворота изнутри ударилось тяжелое тело и заскребло когтями по доскам. Хэл невольно отскочил назад.

– Тор, Нана! Молчать!

Суровый окрик усмирил псов в одно мгновение. Хэл узнал голос, но все же крикнул для верности:

– Это я! Выйди, надо поговорить!

– Не о чем нам разговаривать, – проворчал голос, однако его обладатель уже подходил к воротам.

– Это насчет твоего отца.

Повисло молчание. Наконец тихо звякнул засов, и в непроницаемом на первый взгляд частоколе появилась вертикальная щель. Мальчик боком проскользнул в нее, чтобы не выпустить собак. На нем были домашние штаны, рубашка из грубого полотна и теплый плащ. Еще раз убедившись, что калитка полностью закрыта, он повернулся к Хэлу с немым вопросом во взгляде.

«Можно подумать, я собираюсь брать эту их крепость штурмом», – подумал Хэл, но его раздражение испарилось при виде осунувшегося лица и покрасневших глаз мальчика. Казалось, он не спал всю ночь или долго плакал, и Хэл внезапно ощутил непонятную и даже пугающую близость с ним, хотя они, по сути, даже не были знакомы. Ничего подобного он прежде не чувствовал и даже слегка смутился, но лишь на мгновение.

– Лекарь сказал, твой отец будет жить.

Плечи мальчика слегка расслабились, но в темном взгляде читалось сомнение. Сомнение и надежда. Он отчаянно хотел поверить Хэлу.

– Откуда ты знаешь?

– Я только что из города. Привел лекаря к твоему отцу и потом его расспросил. Ну... лекаря. Не твоего отца, конечно.

Хэл попытался улыбнуться, но так вымотался, что улыбка вышла довольно жалкой.

Смуглое лицо мальчика медленно посерело, словно с него схлынули все краски. Он крепче сжал полы плаща на груди

и устоялся в землю, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Мгновения падали, как тяжелые капли. Собаки возились за забором, царапались, поскуливая, ледяной ветер свистел в кронах деревьев. Мальчик упорно молчал и не поднимал головы, и Хэл понял, что благодарности можно не ждать.

– Ну, в общем, вот так... – ошеломленный, обиженный, он не знал, что еще сказать и повернулся, чтобы уйти. – Теперь ты знаешь... стало быть... пока.

– Эдвард, – чуть слышно прошелестело у него за спиной. Хэл обернулся.

– Что?

Мальчик весь дрожал и по-прежнему смотрел в землю, но щеки его горели, от бледности не осталось и следа. Наконец он поднял голову – темные глаза сверкали, словно он бросал миру какой-то вызов.

– Меня зовут Эдвард. Эдвард Райни.

Хэл повернулся и после некоторого колебания положил руку ему на плечо, в обычном для деревенских жесте приветствия.

– Я Хэл Магуэно... ой!

Эдвард так быстро повторил жест, что чуть не заехал ему по носу. Хэл невольно засмеялся и почувствовал, как что-то внутри разжимается и удивительным образом встает на нужное место. Крепкие пальцы сжали плечо, и он охнул.

– Полегче, Эд, полегче! Мы только познакомились, не стоит сразу же меня калечить!

Эдвард поспешно убрал руку, снова вспыхнув до корней волос.

– Прости.

– Да ничего. – Хэл потер плечо и с уважением протянул: – Ну и здоров же ты! А чего тогда бегаешь, ты же можешь любому навалить!

Эдвард взглянул на него с недоумением, и Хэл сразу же понял, что сморозил глупость. Избитые мальчишки нажаловались бы родителям, а Свершителя и его семью в деревне и так еле терпят. Дело вполне могло кончиться изгнанием.

– Завтра мне надо в город, – прервал его раздумья Эдвард, – если хочешь, пойдем вместе. Встретимся здесь, на рассвете.

– Идет! – обрадовался Хэл. – Тогда до завтра?

Эдвард кивнул, но не двинулся с места. И когда Хэл обернулся в последний раз, прежде чем нырнуть в лесную чащу, все стоял и смотрел ему вслед.

Дружба, завязавшаяся довольно натужно, да еще таким странным образом, тем не менее сложилась и продолжилась. Хотя довольно долго, особенно в первое время, у Хэла было четкое чувство, будто он идет с завязанными глазами, а на дороге тут и там разложены сырые яйца.

Эдвард никогда не упрекал Хэла, если тот долго не появлялся, и был рад любой возможности пообщаться, но, беседуя, порой говорил что-то такое, что казалось обидным и да-

же оскорбительным. Произносилось все с одинаково непроницаемым выражением лица, и Хэл каждый раз готов был полезть в драку, но в конце концов сообразил, в чем дело.

Его новый знакомый никогда не общался ни с кем, кроме родителей, не имел понятия о многих вещах, с рождения известных каждому человеку, живущему в обществе. Кроме того, он явно из кожи вон лез, чтобы Хэлу не было скучно, во время беседы сильно волновался и допускал еще больше ошибок.

Родители Эдварда общительностью не отличались – отец в основном жил в городе, мать целыми днями возилась по хозяйству, а братьев и сестер у Эдварда не было. Хэлу было сложно такое представить – совершенно один в семье! Не с кем и словом перекинуться, а главное, работы-то сколько!

Зато стало понятно, откуда у Эдварда, его погодка, такая чудовищная сила в руках и плечах – с детства он фактически в одиночку выполнял всю тяжелую работу в доме. Таскал воду из колодца, рубил и носил дрова, чистил хлев – Райни не держали корову, только трех коз, но возни с ними было не меньше.

Времени, чтобы болтаться по лесу, как это привык делать Хэл, у Эдварда просто не было, поэтому как-то само собой получилось, что Хэл стал частым гостем в усадьбе Свершителя и, болтая с Эдвардом, помогал ему, чем мог. Не будешь же сидеть и смотреть, как друг надрывается!

Хозяйка, Альяма Райни, как и Эдвард, смуглая и черно-

волосая и почти такая же крепкая, была явно не в восторге от приятеля сына, но ни словом не возразила против их дружбы. На почтительное приветствие Хэла обычно рассеянно кивала, ловко отворачивалась, взмахнув подолом домотканого платья, и снова работала, работала, работала.

Но жизнь Эдварда не состояла, как можно было ожидать, лишь из тяжелого каждодневного труда.

В одном из сараев-пристроек была оборудована небольшая мастерская, и, увидев ее через пару недель после знакомства, Хэл пришел в восторг.

– Ты все это сделал сам? – поражался он, рассматривая стол, заставленный прозрачной стеклянной посудой, шеренги пузырьков, бесчисленные связки трав под потолком, и особенно немного раскоряченное, с вылезающими кирпичами, но весьма крепкое сооружение в дальнем углу мастерской: – Это же стеклодувная печь, верно? Но как ты ее построил?

– По книге, – слегка смущенно пояснил Эдвард.

Он поманил ошарашенного Хэла за собой. Солнце опустилось за лес, воздух был прозрачен и холоден, с тем особым привкусом, который появляется только в преддверии зимы, когда по ночам уже подмораживает. Бледно-голубое небо еще светлело, но под деревьями воцарилась темнота.

Нана и Тор считали Хэла своим и даже не поднялись с теплой соломенной подстилки, когда мальчишки прошли через двор к дому, лишь лениво проводили их взглядом жел-

товатых глаз.

Хэл вступил в узкую переднюю с некоторой робостью – Эдвард впервые предложил ему зайти в дом. Стащил сапоги и почему-то на цыпочках прошел вслед за другом в общую комнату. Просторная, с камином и яркими лоскутными ковриками на гладком деревянном полу, она ему сразу понравилась. Справа, из-за закрытой двери кухни, доносилось позвякивание и вкусно тянуло тушеной капустой – Альма готовила ужин.

Эдвард приложил палец к губам и знаком велел Хэлу идти следом. Они поднялись по потемневшей от времени деревянной лестнице на второй этаж, в коридор которого выходило четыре двери – три с правой стороны и одна с левой. Эдвард подошел к самой дальней двери и открыл ее.

В лицо пахло теплом, запахом пыли и разогретой ткани. Жарко горел камин, хотя здесь явно никто не жил, и Хэл удивился подобному расточительству. Умирающий за окном осенний вечер делал комнату еще уютнее.

С двух сторон от камина стояли мягкие кресла, они так и манили сесть и понежиться в тепле, под толстым шерстяным пледом. А у стен расположились два объемистых шкафа, наполненных... книгами?

Хэлу захотелось протереть глаза – да, это были книги, они стояли ровными рядами, корешок к корешку. В это невозможно было поверить, целое состояние!

Ни Хэл, ни его домашние не умели читать и писать – ни-

кто, кроме Майло, у которого из-за болезни хватило времени овладеть этим непростым искусством. Но и он, хоть и пыжился, ни разу в жизни не держал в руках настоящей книги, а умение писать сводилось к способности с грехом пополам накарябать свое имя.

Созданные еще до Исхода, сохранившиеся от погибшей цивилизации, книги ценились очень дорого. Увидеть их так много в одном месте было равносильно шансу наткнуться при вскапывании огорода на алмаз с кулак величиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.